

Рокси
НОКС

18+

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кавказский
БРАТ ПОДРУГИ
сдавайся, сладкая!

Рокси Нокс

**Кавказский брат подружки.
Сдавайся, сладкая!**

«Автор»

2026

Нокс Р.

Кавказский брат подружки. Сдавайся, сладкая! / Р. Нокс —
«Автор», 2026

– Я дам тебе миллион, а ты сходишь со мной на свидание, – предлагает старший брат подружки, наглый и борзый кавказец с самомнением размером с Вселенную.– Пф-ф, всего-то? – фыркаю в ответ. Я ожидала от него что-то в духе «раздеться и станцевать "Калинку" перед его друзьями».– Конечно, нет, глупенькая. Дальше – ночь любви.– Предложение отклоняется, – отвечаю, не задумываясь. – Первое: у меня есть гордость. Второе: я никогда не стану очередной девкой Сулеймана Каримова. Отвяжись! Что ты прицепился ко мне, как репей?– А если гарантирую, что никто не узнает? – сощуривается нахал. – Сдавайся, сладкая! Всё равно ведь окажешься в моей постели

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рокси Нокс

Кавказский брат подружки.

Сдавайся, сладкая!

Глава 1

Судьбоносную встречу ничто, как говорится, не предвещало.

Стою за стойкой в бабушкином кафе, протираю чашки и улыбаюсь посетителям.

День как день, вторник, как вторник.

Аромат свежей выпечки витает в воздухе, солнечный свет льется через большие окна.

Бабушка в углу болтает с постоянными клиентами. Тишь да благодать.

Вдруг, в кафе входит мужчина лет тридцати. Высокий, с темными глазами и уверенной походкой. Он садится прямо передо мной на высокий стул, ставит локти на стойку и заказывает кофе.

– Вам с сахаром или без? – уточняю по обыкновению.

– С тобой, сладкая, – подмигивает он.

Закатываю глаза, но профессионально улыбаюсь в ответ – привыкла уже к таким наглым.

– С такой улыбкой, как у тебя, красавица, ваше кафе точно процветает, – говорит он, словно не замечая, что в заведении всего «полтора землекопа».

Продолжая учтиво улыбаться, наливаю ему кофе, но он не унимается:

– Твои глаза, как эспрессо – темные и манящие. Если я тебя поцелую, ты растаешь, как мороженое?

Что за тупой подкат? Боже-е. Ничего оригинальнее придумать не мог? Например, блеснуть знаниями о творчестве Кафки. Хотя, о чем это я? Этому буйволу вряд ли известен такой писатель.

Взгляд бугая скользит по мне теперь слишком откровенно. У меня начинает чесаться нос – это явно не к добру.

– Ваш кофе. Можете присесть за свободный столик, – ставлю перед наглым клиентом чашку, и он ловит мою руку. Его пальцы твердые, горячие, цепкие. Меня бросает в жар.

– А я хочу остаться здесь, – он наклоняется ко мне так близко, что я чувствую аромат его парфюма с цитрусовыми нотками. – С тобой пообщаться хочу.

Аромат приятный, но сам кавказец – нет! Настырный какой, ужас! Хочет он! А меня спросить не бывает?

Торопливо выдергиваю руку из его стального захвата.

– Ого, вот это задница! – щелкает он языком, и я краснею.

– Вы что себе поз...

Осекаюсь, понимая, что он смотрит на экран, где показывают оконфузившуюся спортсменку на Олимпиаде с порванным костюмом на попе. Какая пошлость везде транслируется! А этот... дикарь пялится, будто женской задницы никогда не видел. Просто фу!

– Как тебя зовут, милая? – снова обращает взгляд на меня.

– Простите, но мне запрещено заводить личные знакомства на работе, – вру.

Да когда же он уже уйдет, а?! Сил никаких терпеть его масляные взгляды.

– Тогда давай познакомимся поближе, как освободишься, – говорит наглый посетитель.

Он делает глоток кофе, не отводя от меня жгучего взгляда.

Этот тип явно не из тех, кто понимает слово «нет».

Начинаю медленно отходить к дальнему концу стойки, делая вид, что проверяю чистоту блюдец, но его голос настигает меня снова:

– Не убегай от меня. Всё равно ведь поймаю.

Он вообще давно с гор спустился, интересно?

– Молчунья... Люблю таких, которые в кровати мало болтают. А подай-ка мне десерт.

– Какой именно? Выбирайте, – провожу рукой возле стеклянной дверцы холодильника.

Он привстает и наваливается телом на стойку, будто желая получше рассмотреть выпечку. Но сам сканирует взглядом меня.

– Самый сладенький, как твоя киска, – шепчет он.

Вот же озабоченный придурок!

Этого я стерпеть не смогла...

Хватаю графин с холодной водой и выливаю всё содержимое на него с криком:

– Остынь!

Вода с кусочками льда хлещет по его лицу, стекает с темных волос, заливает светлую рубашку, превращая её в прозрачную тряпку.

Мужчина замирает на мгновение, глаза его широко раскрыты от шока. В кафе наступает гробовая тишина.

Затем он медленно проводит рукой по лицу, смахивая воду. Его взгляд, который секунду назад был наглым и жгучим, теперь становится холодным и острым, как лезвие. Улыбка исчезает с его губ без следа.

– Ты... – начинает он тихим, но опасным голосом. – Ты только что совершила большую ошибку, крошка.

Отступаю на шаг, сжимая пустой графин в руках. Сердце колотится где-то в горле. Что я наделала?

– Вы сами виноваты! Перешли все границы, – пишу испуганно. Уж больно устрашающий вид у этого нахала.

– Запомни, сладкая, мы еще встретимся, – грозит он. – И в следующий раз мокрой будешь ты. О-очень мокрой!

Бросив пятитысячную купюру на стойку, приставала уходит, и я наконец могу выдохнуть.

Бабушка Анатолия подходит ко мне и качает головой:

– Эда, ну зачем? Зачем ты его облила?

– Бабушка он говорил мне всякие мерзости!

– Каждый клиент у нас сейчас на счету, Эдочка, – говорит ба без упрека, просто констатируя факт. – Даже такой. Особенно такой. У него, как погляжу, деньги водятся. А у нас... – она обводит взглядом полупустое кафе, – у нас скоро и за аренду платить нечем будет.

Краснею от стыда, опуская глаза. Бабушка права, конечно. Кафе – наш единственный источник дохода, а я тут клиентов распугиваю. Но он правда негодяй, пошлости говорил. Придурок!

– Прости, я не сдержалась.

– Ничего... Только эти нововведения нас добьют, детка. Налоги подняли втрое, а кредит мне в банке не дали – говорят, риски высокие, намекали, что я старая и помру скоро.

– Тебе еще жить да жить! – выпаливаю в сердцах.

Бабушка лишь печально улыбается в ответ:

– Нам нужен миллион, чтобы удержаться на плаву. Иначе через месяц кафе закроют. Всё, конец нашей маленькой мечте.

Это кафе – бабушкина жизнь, её любовь к выпечке и гостеприимству. И здесь я чувствую себя, как дома. Да не только я, но и все наши соседи.

– Бабушка, да не расстраивайся ты так. Найду я... этот миллион! Обещаю. Что угодно сделаю – подработку возьму, в лотерею сыграю, инвесторов найду. Мы просто так не сдадимся!

– Моя смелая девочка... Только не ввязывайся ни во что опасное, ладно? – ба кладет мне на щеку свою сухую ладошку. – А то после этого мокрого кавказца я волнуюсь за тебя вдвойне.

– Забудь о нем, бабуль.

– Такие, как тот парень, просто так не отвяжутся. Зацепила ты его. Будь осторожна.

– Отвяжется, вот увидишь. У меня перцовый баллончик в сумочке лежит, если что.

Я не из пугливых. Не зря же три наших женских поколения носит мужские имена: бабушка Анатолия, мама – Александра. А я, стало быть, Эдуарда, или просто Эда. Мы сильные духом, нас не сломить!

Я студентка, учусь заочно на литературном, люблю много читать и стильно одеваться. Мечтаю побывать в Париже и съесть круассан, смотря на Эйфелеву башню. Так что ни одному дикому кавказцу не удастся напугать меня своими угрозами!

Ах, если бы я знала, что уже этим вечером в моем белье окажется рука этого похотливого орангутанга, то предпочла бы сегодня остаться дома...

Глава 2

– Бабуль, ну всё, я побежала, – целую мою старушку в морщинистую надушенную щеку.
– Талка мне уже три раза звонила. Ждет!

– Пирожные не забыла?

– Нет. В пакете лежат.

– Беги, развлекайся с подругой. Хорошего вам вечера.

Сказать по правде, я немного волнуюсь, потому что впервые иду в гости к Тале Каримовой. Мы познакомились в институте, она тоже учится на заочном, как и я. Разговорились с ней и, оказывается, на одной улице живём. Подружились.

И вот уже через несколько минут я стою у калитки добротного двухэтажного дома, где Талия проживает с семьей. Звоню в домофон, а в голове крутится лишь одно: миллион рублей. Где мне взять миллион рублей? Я должна спасти бабушкин бизнес! Вся надежда только на меня.

Тала открывает дверь и обнимает меня радушно. Она пахнет колой и дорогими духами.

– Эда, наконец-то!

Скидываю ботинки, позволяя ей затащить себя в комнату. На огромном белоснежном диване уже сидит другая Талина подруга – Вика. С ней я тоже уже знакома.

Вика вручает мне в руку бокал с чем-то шипучим и оживленно рассказывает про своего нового знакомого. Я осматриваюсь, оценивая классный дизайн домашнего интерьера.

– Ой, девочки, у меня же пироженки есть, – спохватываюсь, вытаскивая на стол бабушкино угощение.

Вдруг хлопает входная дверь, и в помещение врывается сквозняк. Слышатся мужские голоса: глухой бас и хохот.

Мы все замираем на секунду. Тала вскакивает.

– Ой, девочки, вы только не пугайтесь! Это мой брат Сулейман завалился его и друзьяшки, – объясняет она, скривив губы и почему-то покраснев. Наверняка, ей стыдно, что брат испортил нам посиделки.

Трое мужчин вваливаются в гостиную. Они заполняют собой все пространство. Двое – крупные, улыбчивые, сразу тянутся к нашей еде. А третий...

Этого просто не может быть!

Передо мной до боли знакомая ухмылка и темные глянцево-волосы, теперь сухие и стильно уложенные.

Это же тот бесстыжий бабуин из кафе. Это точно он!

У меня перехватывает дыхание. Бокал выскальзывает из пальцев и падает на ковер, обливая мою ногу ледяной жидкостью. Я даже не чувствую холода, тупо смотрю на него, не зная, что делать.

Он меня, естественно, узнал. Мгновенно. Его брови поползли вверх, ухмылка стала шире и хищнее.

– Сулейман! Я же просила тебя, – шипит на него Тала и дергает за рукав черного бомбера.

– Да ладно тебе, сестра, мы тоже хотим с красивыми девчонками пообщаться, – оскаливается он.

Подруга Талы хихикает и стреляет в него кокетливым взглядом, давая понять, что она не против общения.

– Общайтесь со своими... на всё готовыми шлюшандрами! – выпаливает Талка сердито.

– А у меня приличные подруги! Вам тут ничего не светит!

Пару раз Тала упоминала в разговорах своего брата-потаскуна не хорошими словами, мол, девчонок меняет часто. Она не утруждает себя запоминанием их имен и обобщенно назы-

ваит их всех «шлюхами Сулеймана». «Сегодня утром опять шлюху брата на кухне застала, еле выгнала...» – вспоминаю Талкин пылкий рассказ. Значит, он бабник, и подкатил ко мне в кафе по привычке.

Сулейман движется в мою сторону, не спеша рассекая воздух, как теплоход реку.

Я отшатываюсь. Нужно сваливать отсюда. Вот прямо сейчас.

– Мне нужно в туалет, – бормочу Тале.

Протискиваюсь мимо, не глядя на нее. Иду не в туалет, а дальше, в темную прихожую, к выходу. Потом ей всё объясню, совру что-нибудь. Откуда мне было знать, что этот тип – старший брат подружки? Тала мне очень дорога, и я не хочу ссориться с ней из-за какого-то бабника.

Нашупываю свои ботильоны, пальцы не слушаются, когда я застегиваю молнию.

Выпрямляюсь, и тотчас слышу почти у самого уха мужской голос:

– Куда это ты собралась, сладкая? Только пришла – и уже сбегает?

Сулейман стоит в проеме, заслоняя собой свет из гостиной. Силуэт его огромный. Мама дорогая... Вот я попала.

– Куда же ты, сладкая? – говорит он почти ласково. – А как же продолжить наше приятное знакомство?

Он делает шаг вперед. Я отступаю, пока спиной не упрусь в холодную стену.

– Что вам нужно? – шумно сглатываю.

Он подходит вплотную. Его тело и запах дорогого парфюма давит, хотя он пока меня не касается.

– Думала, не встретимся больше? – он наклоняется ко мне почти вплотную. – Я тебя и в толпе узнаю. Такую... запоминающуюся.

– Мне надо идти.

Пытаюсь проскользнуть в сторону двери, но он ловит мое запястье:

– Стоять!

– Пусти!

– А если не пущу? Опять водой окатишь, как паршивого кота? – он усмехается. – Здесь графинов нет. Только ты, я и мое жаркое обещание. Помнишь?

Что я буду мокрой при следующей встрече? Да, я действительно зачем-то помню эту угрозу.

Он прижимает мою руку к стене над головой. Второй рукой упирается в стену рядом с моим лицом, замыкая меня в ловушку полностью.

– Ты сегодня испортила мне дорогую рубашку, – говорит он низким и опасным голосом. – И настроение. Думаешь, это так просто сойдет тебе с рук?

Смотрю ему прямо в глаза, стараясь, чтобы страх не просочился наружу.

– Тала – моя подруга. Неужели ты обидишь подругу сестры? – стреляю глазами за его спину, надеясь увидеть там Каримову. Но, судя по голосам, она пикируется с кем-то из друзей брата, и ей не до меня.

– А кто сказал, что я хочу тебя обидеть? – Сулейман пожимает плечами. – Я просто тебя хочу. Может, ты меня зацепила, сладкая.

– А ты меня нет, – голос мой срывается, сердце бешено бьется под грудной клеткой.

– Как жаль, – его губы прикасаются к моей щеке, горячее дыхание обжигает кожу. – А мне нравится, когда всякие мышки пытаются быть храбрыми. Это забавляет.

Он медленно проводит кончиком носа вдоль линии моей челюсти, и я замираю, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Вжимаюсь в прохладную стену, пытаюсь создать хоть какую-то дистанцию, но его тело уже прижато к моему, и я чувствую бедром его эрекцию.

– За всё, знаешь ли, надо платить. Особенно за унижение.

– Сколько с меня? – облизываю вмиг пересохшие губы. – Сколько за твою рубашку?

– У меня есть варианты получше. Например, ты расплатишься натурой. А, сладкая? – его руки неожиданно для меня ныряют под резинку моих брюк палаццо.

– Что ты делаешь? – пишу, пытаюсь перехватить его запястье. Но он уже ныряет под трусики и касается пальцами нежной плоти.

Чувствую, как резинка брюк болезненно давит на кожу. Его пальцы глубже впиваются в меня, и холод от их прикосновения смешивается с жаром унижения.

– Сулейман, – выдыхаю я. – Прекрати. Пожалуйста.

– Пожалуйста, – передразнивает он. – Вот видишь, можешь же быть вежливой, когда захочешь.

Его губы в сантиметре от моих. Я чувствую их тепло, но поцелуй не следует. Он просто держит меня так, заставляя ждать и осознавать каждую секунду этого унижительного, порочного сближения.

– Прошу, не надо!

Но Сулейман не отпускает. Его другая рука обвивает мою спину, прижимает к себе так близко, что я чувствую каждую складку его модного бомбера.

– Я даю тебе выбор, – его пальцы медленно двигаются по моим складкам, вызывая мучительную смесь отвращения и страха. – Либо ты сейчас улыбнешься, потом вернешься к остальным и будешь вежливо общаться со мной весь вечер. Либо мы продолжим этот разговор наедине, в моей комнате. Выбирай. Сейчас.

– Я... вернусь туда, – выдавливаю из себя.

При сестре он не посмеет меня грязно лапать! Так что выбор очевиден.

Он убирает руку так же внезапно, как и засунул ее. Мое тело немеет, резинка брюк все еще врезается в кожу. Этот придурок не знает границ!

– Умная девочка, – говорит он, и в его тоне звучит одобрение, от которого меня немного подташнивает. – Иди. И улыбнись. Для начала мне.

Заставляю уголки своих губ дрогнуть. И это совсем не похоже на улыбку, но он принимает ее, кивая с легкой усмешкой.

– Сойдет. А теперь пошли, – взяв меня за плечи, он разворачивает меня в сторону гостиной и слегка шлепает по заднице. – Смотри, сестре ни слова, а то накажу!

Вот же сволочь бесстыжая! Думает, что запугал меня и победил? Как же! Я еще покажу, на что способны «мышки» вроде меня!

Глава 3

Так как в гостиную мы вернулись по отдельности, никто и не понял, что мы с Сулейманом только что препирались в прихожей. Если, конечно, можно назвать этим словом его грязную выходку!

Я все еще чувствую *там* его касания.

Нахал, котище наглый и паршивый! Воды ему в морду, да побольше.

Никто и никогда так бесцеремонно не влезал ко мне в штаны. А если бы влез, то я бы подняла такой крик, что услышала вся Вселенная. Но только не в этом случае...

Сейчас я, наоборот, хочу, чтобы никто не узнал о нашей стычке. Просто потом буду держаться подальше от сластолюбивого бабника, вот и всё. Неприятная история забудется.

– Всё хорошо? – спрашивает у меня раскрасневшаяся от спора с одним из друзей брата Тала.

– Да, всё отлично, – скашиваю глаза на ухмыляющегося Сулеймана, который плюхается на диван.

Мои пирожные все уже съели. На столе остался только шипучий напиток, который мы пили. Не знаю, алкогольный он или нет. Быстрее бы закончился этот вечер.

– Познакомишь нас с новой подругой, Талия? – говорит один из парней и подсаживается ко мне. – Амирхан, – протягивает мне ладонь.

Замечаю, что Сулейман наблюдает за нами цепким взглядом и решаю улыбнуться. Этот парень ничего плохого мне не сделал и грубить ему незачем.

– Эда, – касаюсь пальцами его руки.

– Учитесь вместе с малой? – кивает на Талку.

– Да, на литературном.

– Писательницами будете? С удовольствием почитаю эротические приключения из-под вашего пера.

Сулейман и его третий друг ржут над удачной, как им кажется, шуткой. Я только фыркаю от услышанного клише. Чтобы писать эротику, не обязательно учиться пять лет в институте. Достаточно просто владеть словом.

– Идите уже отсюда, – закатывает глаза Тала. – Мы хотим обсудить книги, а с эротикой катитесь к своим шлюхам. Они вам не только всё расскажут, но и покажут.

– Надоели нам шлюхи, – отвечает Амирхан с ленцой. – Хотим со скромницами пообщаться.

– Не потянете общение с нами.

– А если вдруг?

– Ладно, сейчас проверим твою эрудированность. Назови своего любимого автора...

– Эм... Федор Толстой.

Вся компания покатывается со смеху, а я чувствую вибрацию телефона под рукой. Бабушка. Что-то случилось?

Отхожу подальше от шума и принимаю вызов:

– Алло, бабуль?

– Эдочка, Тимофей вернулся.

Сердце ухает в желудок, скручивая его тугим узлом. Чувство страха и безысходности разливается по телу, заставляя руки дрожать. Он вернулся.

– Скоро буду. Ты только не волнуйся.

Проделки орангутанга меркнут на фоне новости о возвращении человека, который привык отравлять всем жизнь. Я должна вернуться и поддержать бабушку.

Подхожу к Тале и шепчу ей на ушко:

– Мне нужно домой.

– Это из-за придурков? – спрашивает она тихо. – Да не обращай внимания, им просто скучно, вот и лезут.

– Нет-нет. Бабушка звонила. В общем, мне пора.

– Ладно, увидимся тогда на учебе.

Быстро расцеловываемся в щеки, и я надеваю на плечи рюкзак.

– Я провожу твою подружку, – заявляет Сулейман, вставая с места. Берет свою куртку и следует за мной.

– Да мне идти пять минут, – возражаю, не оборачиваясь на него.

– Куда бежишь? На свидание?

– А что? Это важно?

– У тебя парень есть, Эда? – мое имя он произносит медленно, будто пробуя его на вкус.

– Ты должен был спросить это перед тем, как полез ко мне в брюки. А не после.

Он издает короткий смешок и, догнав, равняется со мной. Идем по тропинке, вымощенной дорогим камнем, к калитке, потом выходим на улицу.

– Как только я обращаю внимание на девушку, она в тот же миг бросает всех своих парней. Так что?

– Слушай, мне сейчас как бы это... не до разговоров.

– Куда ты так спешишь? – притормаживает меня за локоть.

– Домой, ясно?

– Я думал, погуляем с тобой.

– Нет, не погуляем. Я спешу.

– Номерок оставишь? Позвоню завтра. Посидим где-нибудь. Ты мясо предпочитаешь или траву?

– Что, прости?

– Что неясного я спросил? Ты веганка? Если да, то пойдем в два места. В одном месте ешь ты, в другом я.

– Господи... – шепчу и ускоряю шаг.

Должно быть, у него огромный опыт в общении с вегетарианками или веганками. Только ко мне это не относится. У меня не такие современные вкусовые предпочтения, потому что моя бабуля готовит изумительные котлеты из говядины и восхитительные голубцы.

– И как это понимать? – не отстает от меня.

– Я никуда с тобой не пойду, Сулейман. Я наслышана, эм... о твоих похождениях.

– Талка наплела? Она еще мелкая и ни черта не смыслит во взрослой жизни. А ты выглядишь старше моей сестры.

– Так и есть я старше, на полтора года.

– И почему, блин, литературный? Ты читать любишь?

– Очень люблю, – останавливаюсь возле нашего кафе и поворачиваюсь к нему. – А теперь пока.

– Стой. Ты что, в кафеху работать? Давай выпьем кофе.

– Кафе закрыто, – киваю на табличку.

– Тогда куда ты намылилась?

– Слушай, я здесь живу, – теряю терпение. – Всё, пока!

Хватаюсь за ручку двери и слышу звук бьющейся посуды. Нет-нет... Пожалуйста, скажите мне, что это не Тимофей. Но я уже знаю: это он.

Освободился и первым делом решил с нами поквитаться за то, что не протянули ему руку помощи. Мы протягивали ее сотню раз, но на сто первый устали и просто отказались оплачивать ему адвоката. Потому что доброта имеет свойство кончаться.

– Слушай, там кто-то буйнит.

Отодвинув меня в сторону, Сулейман первым входит в кафе.

За барной стойкой стоит Тимоха и смешивает себе какой-то алко-коктейль из подручных средств. Неподалеку сидит бледная и испуганная бабушка. Ну и зачем так пугать старушку? Негодяй!

Оцениваю ущерб – один разбитый стакан. Всё не так уж плохо. По крайней мере, пока...

Тимоха перестает мешать напиток, поднимает голову, и наши взгляды скрещиваются, как два меча.

– Ну, привет, что ли, сестренка? – говорит он со зловещей ухмылкой...

Глава 4

– И тебе привет, Тимофей. А мы не ждали тебя, – отвечаю как можно спокойнее, по опыту зная, что лучше не провоцировать двоюродного брата на скандал.

– Да я так и понял, – оскаливается Тимоха. – И денег у вас тоже нет. Для меня.

– Сколько тебе нужно, чтобы уйти прямо сейчас? – раскрываю рюкзачок и достаю кошелек. Внутри не густо, всего несколько тысяч. Но я готова отдать их нерадивому братцу, лишь бы тот покинул кафе. Желательно навсегда.

– Даже так? – оскорбляется Тимоха, и его глаза превращаются в щелочки. – Ты кем себя возомнила, а? Я тоже бабушкин внук, такой же, как и ты, и наследник кафе.

– Кафе едва держится на плаву! Я же тебе рассказывала, – сетует бабушка. – Мне самой деньги нужны. А в банке не дают. Говорят, что я не выплачу этот миллион, так и помру. А без него нам не справиться, уже по уши в долгах.

– Пусть кредит возьмет Эда, – равнодушно пожимает плечами братец.

– Я студентка и безработная. Кто ж мне его даст?

– Под большие проценты всем дают.

Пока мы ведем переговоры с обозленным Тимохой, Сулейман потихоньку подбирается к нему. Но в своей ненависти к нам, брат даже не замечает этого.

– Слушай, Тим. Тебе лучше уйти, – говорю мирно. – Ты расстраиваешь бабулю.

– А я расстроен таким «теплым» приемом. Меня даже не пустили в дом. Пришлось вот за стойку самому встать. А я, между прочим, голоден и соскучился по бабулиным голубцам.

Сулейман хватает Тимоху за шкирку и ласково говорит ему на ухо:

– Сам уйдешь или тебя отсюда вышвырнуть?

– А ты еще кто такой?

Каримов поднимает тщедушного Тимоху в воздух и слегка встряхивает. Я даю бабушке знак, что всё нормально. Наверняка, она помнит сегодняшнее посещение нашего кафе Сулейманом и переживает за меня.

– Охранник я.

– Чей? Эдкин? Ну и зверюга. Ты где такого вышибалу нашла? Скажи ему, чтобы отпустил меня. Эда, ты слышишь? Скажи ему! Сестра ты мне или кто?

Перестав наслаждаться висением Тимки в воздухе, я вздыхаю, глядя на брата подружки:

– Отпусти его, пожалуйста.

– Так-то лучше, – Тимофей с важным видом поправляет одежду и отходит от «охранника» на несколько шагов.

– Возьми деньги и уходи, – протягиваю братцу несколько тысячных купюр. – Пожалуйста.

Если он останется в доме, то запросто может что-нибудь украсть. Вряд ли во время отсидки он излечился от игромании.

– Вот так и выставите вон? Ладно, я всё понял. Пусть ваше кафе сгорит к чертовой матери, две жадные суки!

– Эй, слышь? – угрожающе окрикает его Сулейман. – Ты че сказал?

– Да пошел ты!

Тимоха ловко огибает здоровяка и бежит к двери, не забыв прихватить с собой деньги.

Но несмотря на рост и комплекцию, Каримов весьма проворен, он догоняет беглеца и сшибает его с ног.

Тимоха падает, ударяясь головой об пол, и стонет:

– Помогите...

– Пошёл вон отсюда. И чтобы тебя здесь больше никогда не видел, урод.

Каримов поднимает Тимофея за грудки, вставит на ноги и пинком выкидывает из кафе.

Тимоха понуро бредет по тротуару, прихрамывая и держась за голову. И знаете, ни капельки его не жаль, даром что брат! Он столько дерьма в нашу жизнь привнес, что устану перечислять его подвиги.

Но бабушке его жаль, вижу это по глазам. Спешу ее обнять и успокоить.

– Он это заслужил. Сколько крови нам попортил? И снова за свое!

Потом поворачиваюсь к Сулейману и говорю:

– Спасибо тебе большое.

– Выпьем завтра кофе? – спрашивает он. – Можно прямо здесь.

– Завтра с утра я в институте. Но вечером буду в кафе. Если хочешь – приходи.

Чувство благодарности перевешивает чувство злости на неподобающее поведение Каримова. Он вышвырнул вон Тимоху и обеспечил нам спокойную ночь. Ладно... Выпью с ним кофе, с меня не убудет. Но только и всего!

Утром еду в институт. Наши с Талой эссе отобрали для участия в студенческой конференции и нужно было уточнить регламент встречи. А еще я пишу курсовую по редкой печатной книге, старому детективу, который есть только в библиотеке ВУЗа.

– Привет.

– Привет! Как добралась вчера? – щебечет Тала.

– Твой брат проводил меня до дома.

– Я ему уже сказала, чтобы закатал губу обратно. Что ты не из тех шалашовок, которые раздвигают ноги после совместного кофепития.

Он ей рассказал, что я согласилась на кофе? Или это случайное совпадение?

– Спасибо за заботу. Твой брат совсем меня не интересуется. Он слишком... взрослый.

– Да-а... Ему уже тридцатник. И он дважды был женат.

– Дважды? – ахаю удивленно.

– Ага и оба раза развелся! Первая его жена уже вышла замуж повторно, а вот вторая никак не успокоится и обещала ему отомстить.

– А за что мстить-то? – любопытствую осторожно.

– Ну... За то, что развелся с ней, – весело пожимает плечами Талка.

– Надо же... Какие страсти... – буркаю в ответ.

– Он обвешан бабами как новогодняя ёлка игрушками. Любят они его, а за что, не пойму! Но ты держись от него подальше, Эд. Он мерзкий тип, – Талия морщит носик.

– Но он твой брат, – напоминаю робко.

– К несчастью, да. Приходится его терпеть.

Мы идем к преподавателю, где обсуждаем нюансы студенческой конфы. Я слушаю информацию вполуха, никак не могу собраться. В голове крутятся события вчерашнего дня: Сулейман, миллион, Тимоха. Теперь еще жены Каримова.

Подумать только, дважды женат и разведен! Чем не угодили ему жены? Они были русские или их национальности? Но не будешь же расспрашивать Талу. Подумает еще, что я заинтересовалась этим бабником и перестанет со мной общаться. Зная, как она относится к подружкам брата, так и будет.

– И не забудьте про дресс-код, – напоминает нам преподаватель, возвращая меня в реальность. – Белый верх, черный низ. До встречи.

Выходим из аудитории и останавливаемся на лестнице.

– Слушай, приходи ко мне завтра, – говорит Тала. – А то братец все испортил нам вчера. Хочу пообщаться с тобой в спокойной обстановке. Завтра его точно не будет дома, Суля уедет с отцом по делам.

– Ладно, приду.

Время в библиотеке проходит быстро. Сканирую листы толстенной книжки, делаю кое-какие записи.

Всё, пора домой. Вдруг бабушка не справляется одна там в кафе. Или еще чего похуже, Тимоха опять притащился...

В кафе как обычно нет наплыва посетителей. Мастер чинит кофемашину, бабушка грустно вздыхает рядом. Наверняка прикидывает в уме, сколько придется заплатить за починку.

Чертовы деньги! Всё упирается в них. Надо подумать о работе, иначе скоро придется ходить пешком.

– Ты бы приоделась к вечеру, - говорит бабуля, окидывая меня критическим взглядом. – А то придет ведь твой... ухажер, а ты в джинсах и футболке. Платьюшко бы тебе покрасивше.

– Ба, ну какой ухажер?

Я вчера рассказала ей, что Сулейман – брат подруги, и она успокоилась окончательно. А сегодня вон уже в женихи мне его записывает. Спасибо, мне не надо такого!

– Ты же всегда красиво одевалась. Ну, что с тобой такое?

– Он просто кофе выпьет и уйдет. Я не хочу перед ним красоваться.

– А зря. Какой парень! Как он вчера нашему Тимке пинков под зад надавал!

– А я думала, тебе жаль внука... – едва сдерживаю смех.

– Я устала его жалеть, Эдочка. Просто устала.

– Как и все мы...

– Иди-иди, переоденься. Я пока тут побуду. В холодильнике есть свежие десерты со взбитыми сливками, подай обязательно этому своему султану Сулейману, – хитро подмигивает мне, и я закатываю глаза.

Ну, сводница! Ждет не дождется, когда у меня появится парень. Только если он у меня и появится, то это точно будет не Сулейман Каримов!

Глава 5

Исключительно из уважения к бабушке я надела красное платье на бретельках, сверху белый кардиган. Волосы помыть и уложить не успела, поэтому надела на голову красный берет. И так сойдет!

Благодарность благодарностью, но переходить Сулейману границы я не позволю. Один похабный жест в мой адрес – и я уйду.

Он пришел к восьми. В белой рубашке с закатанными рукавами, сверху черный жилет, внизу черные узкие штаны. Вырядился, как на свидание! С собой Сулейман Каримов принес запах дорожущего одеколона. Дешевые так не пахнут.

– О, да у тебя тут сегодня аншлаг прямо! – шутит он, окидывая взглядом пустой зал.

– Так и живем, – развожу руками. – Тебе кофе, без сахара? Правильно?

– Можно с пирожком, Красная Шапочка. Кстати, классный берет.

– Спасибо. Но должна тебя огорчить, пирожков у нас нет.

– Что, совсем дела с бизнесом плохи? – он садится на высокий табурет и испытывает меня взглядом.

Кутаюсь в кардиган, чувствуя себя неудобно. Один он умеет смотреть так, что волей-неволей ощущаешь себя раздетой.

– Всё наладится, – отвечаю я, нажимая кнопку на кофемашине. – Я что-нибудь придумаю.

– Я могу помочь.

– Каким образом? – смотрю, как черная струйка наполняет белую фарфоровую чашку.

– Я дам тебе миллион, а ты сходишь со мной на свидание.

Замираю, подыскивая подходящий ответ. Самое первое, что приходит на ум – послать его на фиг. Он что, олигарх, чтобы платить за свидания?

– Пф-ф, всего-то? – фыркаю я, поворачиваясь к нему.

– Конечно, нет, глупенькая. Дальше – ночь любви.

Ах, вот оно что! Ну, конечно, секс за деньги. Что еще можно ожидать от не обременённого моралью горца? Не ухаживаний же, верно? Или помощи от чистого сердца.

– Предложение отклоняется, – отвечаю, не задумываясь. – Первое: у меня есть гордость. Второе: я никогда не стану очередной подстилкой Сулеймана Каримова.

– Почему это подстилкой? Ты себя не ценишь, красивая.

– А ты прямо ценишь! Секс за деньги девушкам предлагаешь!

– Не всем. А только тебе.

– Отвяжись! Что ты прицепился ко мне, как репей? – ставлю перед ним чашку с напитком и отхожу тотчас, чтобы приготовить себе.

– Чего ты боишься? Что сеструха узнает? Так мы ей не скажем.

– Твоей сестре я сама расскажу о твоём подкате! – угрожаю.

– Она не удивится. Так что не трать зря слова, – вопреки моим ожиданиям реагирует равнодушно.

– Это ты сейчас тратишь зря слова. Я никогда на это не пойду!

– А если гарантирую, что никто не узнает? – сощуривается нахал. – Сдавайся, сладкая! Всё равно ведь окажешься в моей постели.

Краска бросается в лицо. Ну и самомнение у этого идиота! Вот лично я уверена, что между нами никогда ничего не будет.

– И кто тебе это сказал?

– Твои глаза, Эда. Они же не могут врать? Или могут?

– Вот что... Пей свой кофе и уходи, Сулейман! Мне твои деньги не нужны. И сказки про мои глаза не рассказывай. Я не какая-то дешевка, чтобы вестись на подобную чушь!

- Разозлилась, – хмыкает удовлетворённо.
- А ты чего ожидал? Что я улыбнусь тебе в ответ и кивну три раза?
- Достаточно просто подмигнуть, и я начну искать нам уютный номер в отеле.
- Уходи, пока я тебя... не облила чем-нибудь еще! – сверкаю зло глазами.
- Тебе идет, когда сердисься. У меня даже привстал, – наглец опускает руку и поправляет себе кое-что в штанах.
- Избавь меня от лишних интимных подробностей.
- Привыкай, Шапочка. Скоро сама будешь меня пытаться, интересуясь, как сильно я тебя хочу.
- Вот еще! – краснею. – Ты не в моем вкусе.
- Вкус – дело изменчивое. Мне, например, раньше только блондинки нравились, а теперь вот шатенку себе хочу, – Сулейман протягивает руку и касается моих волос. – Иди сюда, что ты спряталась за баром?
- Руки прочь.
- Я только волосы тронул.
- Сначала волосы, потом... еще что-нибудь! – смущенно отвожу взгляд. – Кстати, бабушка велела накормить тебя свежими пирожными. Вот, – ставлю перед ним блюдо. – Приятного аппетита. Ешь и уходи вместе со своим непристойным предложением.
- Я дам тебе время подумать, – отвечает горец, ложкой отделяя от десерта кусочек.
- Тут и думать нечего. Нет! Ни за что!
- Ты мне нравишься, а значит, наш секс – дело времени.
- А ты мне не нравишься. И предложение твое отстой, – морщу нос.
- Предложение шикарное, просто ты пока не в силах оценить его по достоинству. И бизнесу ведь поможешь, и удовольствие получишь. Убьешь два зайца сразу, красавица.
- У меня нет желания убивать зайцев. Так что катись отсюда!
- Не уйду, пока не скажешь мне «да». Готов даже сегодня проверить нашу сделку. Деньги даю наличкой.
- Засунь себе эту наличку... знаешь куда?!
- Ай-яй-яй, как нехорошо грубить старшим, Эда.
- Каримов неожиданно резво переваливается через барную стойку, оказавшись со мной по одну сторону.
- Я шарахаюсь к холодильнику, но он настигает меня там.
- Хватает за талию и прижимает к себе. Заставляет поднять лицо и посмотреть ему в глаза.
- Мошусь, делая вид, что он мне противен. А у самой колени подгибаются от странного ощущения. Я, такая маленькая и хрупкая, в руках огромного мужчины. Он может пришибить меня одной левой, а может ею же и приласкать.
- Волк. Кавказский волк.
- Нет-нет... Я вовсе этого не хочу! Мне тогда совсем-совсем не понравилось!
- Пусти.
- Не трепыхайся, малая. Здесь тебе ничего не грозит. Понюхаю только.
- Каримов, в самом деле, вдыхает запах моих волос, затем утыкается носом в ключицу.
- Сладкая... Я сразу это понял. Нюх у меня отменный, как у хищника.
- Обеими руками он сдирает с моих плеч кардиган и касается губами оголенной кожи.
- Ведет языком по моей шее и заканчивает это безобразие смачным поцелуем в предплечье.
- Ощуаю, как мое тело сильно замурашило. Никто не делал со мной ничего подобного... У меня вообще сложные отношения с мужчинами. Точнее никаких отношений нет и не было.
- Прекрати. Я не...

– Понравилось ведь? А я еще ничего особенного не сделал. Даже в губы не целовал пока. Оставляю это на закуску.

– Ешь пирожное и уходи... – говорю уже не столь уверенно.

Надо привести свои чувства в порядок. А то какой-то... непорядок!

– Сам решу, когда мне уйти. Эда, мне кажется, или ты без лифчика?

Ну и вопросы! На мне специальные нашлепки, так как платье не предполагает ношение бюстгалтера.

– Я не чувствую застёжки, – шарит лапищей по моей спине.

– Слушай, угомонись. Какая разница, в чем я?

– Мне просто интересно. Что за хрень? – шупает спереди грудь.

– Уймись! – бью его по рукам. – Ты что меня лапаешь?!

– Любопытство замучило, что это за лифчик такой? Только чашки. Это как?

– Слушай, тебе лекцию по современному женскому белью провести, что ли?

– Да я не прочь послушать. Но лучше все-таки покажи, – усмехается брат подружки.

– Ну ты и нахал!

– Да тебе же это нравится. Так что, сколько времени дать?

– Нисколько. Мой ответ никогда не изменится. Напоминаю: ответ – нет.

– Откажешься со мной спать, куплю это кафе... вместе с тобой, детка! Стану твоим боссом и буду помогать до тебя каждый день. Я тебя попробую, хочешь ты этого или нет...

Глава 6

– Слушай, кажется, тебе пора, – начинаю нервничать. А ну как правда купит нашу кафешку? Мы ее на торги не выставляли, но Каримов такой настырный тип, что может уговорить бабушку продать ему заведение.

– Не пора. Я хочу, чтобы ты поняла, что выбора у тебя нет, сладкая, – Сулейман отходит к стойке и опирается на нее локтем.

– Выбор есть всегда. Возьму в банке заём – и проблема решена, – бью рука об руку, издавая хлопок.

– Ну-ну, попробуй, – глядит на меня нахально.

– И хватит называть меня сладкой, а то тошнит!

– Хочешь, переименую в сахарок?

– Зови меня просто Эда. Без сладостей.

– Не любишь сладенькое? А то у меня есть для тебя вкусный круассан. Хочешь? – играет бровями.

Это то, о чем я думаю?! Вот же пошляк! В голове один секс – и ничего больше! Общаться с таким разгильдяем даже неинтересно.

– Так всё, молодой человек, на выход, – с пылающим от гнева лицом указываю ему на дверь.

– Ухожу, а ты подумай на досуге. О круассане.

– Я сейчас тебе так двину коленом... по твоему круассану! Что мало не покажется! Проваливай давай, а то остатки кофе на голову вылью!

– Боевая девчонка, люблю таких, – смеется он в ответ.

Его ничем не напугать. Да и не осмелилась бы я треснуть его по яйцам. Страшно. А вот окатить еще чем-нибудь влегкую смогу!

– Помнишь, я говорил, что оставлю на закуску кое-что?

Не успеваю ничего ответить, как Сулейман сгребает меня в охапку и целует жадно. Сходу засовывает мне в рот язык, и я застываю от шока.

А потом...

Не знаю, как так вышло. В общем, пнула я его по яйцам.

– Ай, ты что творишь, злючка? – хватается за ценное сокровище мигом утративший весь свой лоск брат подружки.

– Без моего согласия целовать меня нельзя. Запомни это, пожалуйста!

– Я не целовал, я закусывал только, – морщится он.

– Закуси пирожным и уходи. А то я устала уже от тебя отбиваться.

– Допросишься, малая... Устрою тебе проблемы. Хочешь? – оскаливается.

– Одной проблемой станет больше, подумаешь... – равнодушно пожимаю плечами. – Не боюсь.

– Посмотрим, как ты запоешь через пару дней. Счастливо оставаться в этом заполненном посетителями кафе. Кстати, кофе у вас полный отстой. Это не арабика, это черт знает что!

Уверенной походкой Каримов выходит из кафе, рассерженно хлопнув дверью.

Смотрю на свои руки и вижу, что они дрожат. Не от страха, нет. От чего-то другого, мне пока непонятного.

Но проблем от него я не боюсь, даже наоборот интересно, что он там придумает, чтобы мне отомстить за то, что его отшила. Спорим, что ничего интересного?

На студенческую конференцию готовлюсь с особой тщательностью. Черно-белый офисный стиль одежды, туфли на каблуке, скромный макияж. Длинные волосы решила собрать в высокую прическу. Бабушка говорила, что мне идет открытая шея.

Ну вот я и готова!

Еду в наш институт, в коридоре осматриваюсь в поисках знакомого лица. Талы что-то не видно. Опаздывает?

– Привет, Эда! – наконец слышу голос подруги за спиной. – Ух, чуть не опоздала. С Суликом в пробке застряли.

Сердце начинает колотиться в горле, мешая дышать. Он что, здесь?

Да нет же, что ему делать в учебном заведении? Здесь, по его мнению, скучно. Скорее всего, просто подвез сестру. Она ведь пока не водит авто.

– Пойдем, что ли, в зал?

Стою за кафедрой, мертвой хваткой сжимая край трибуны. Лампы дневного света в актовом зале мерно гудят. Передо мной – море лиц. Знакомые сокурсники, пара суровых преподавателей, даже кто-то с филфака зашел. Все ждут.

– Тема моего эссе... – мой голос срывается, и я прокашливаюсь. – «Любовь как акт медленного самоубийства».

Кто-то сзади тихо громко и отчётливо хмыкает. Ректор института с вечно поджатыми губами снимает очки и начинает их протирать.

Разворачиваю лист, хотя знаю текст наизусть. Бумага дрожит в моих руках.

– Мы привыкли думать, что любовь – это обретение. Найти «свою половину», стать целым. С детства нас кормят этой сказкой: любовь приходит и наполняет пустоту внутри. Но что, если пустота – это и есть мы? Что, если мы – это не половинки паззла, а отдельные, герметичные вселенные?

Голос мой начинает звучать увереннее. Я нахожу глазами Талу, которая сидит во втором ряду и одними губами шепчет: «Давай, ты сможешь!». Делаю глубокий вдох и продолжаю:

– В своем эссе я анализирую обратную сторону. Любовь – это не добавление, это вычитание. Каждый раз, когда ты говоришь «я люблю», ты отказываешься от части своего «я». Ты отдаешь свое время, свое внимание, свою способность быть одной. Ты учишься ждать, а ожидание – это медленное умирание настоящего момента. Ты ставишь другого человека в центр своей вселенной, а значит, твое собственное солнце гаснет.

Перевожу взгляд на ректора. Он перестал протирать очки и теперь смотрит на меня немигающим взглядом. Не отрываясь. Чувствую, как мои щеки заливают румянцем.

– Я не говорю, что любовь плоха, – поправляю выбившуюся из прически прядь волос. – Я говорю, что она опасна. Как огонь. Как прыжок с моста. Любовь – это акт абсолютного доверия к тому, кто держит в руках ножницы, которыми может отрезать тебя от себя самой.

В зале воцаряется тишина. Слышно, как где-то в коридоре хлопает дверь.

– Спасибо за внимание, – выдыхаю я и делаю шаг назад от кафедры.

На секунду мне кажется, что сейчас будет гробовое молчание. Но потом Тала начинает хлопать, затем к ней присоединяется еще кто-то, потом еще.

Ректор не аплодирует. Он просто снова надевает очки, берет ручку и что-то пишет в своем блокноте. Я не знаю, хорошо это или плохо.

Знаю одно: мне надо выйти, подышать, и вернуться к Талкиному выступлению.

В коридоре тихо. Останавливаюсь возле широкого окна и опираюсь на подоконник.

– Любовь, как акт медленного самоубийства, – медленно произносит мне на ухо до боли знакомый голос. – С такой темой ты займешь последнее место, сладкая.

Резко оборачиваюсь и встречаюсь с дерзким взглядом Каримова. Сердце снова начинает бешено стучать. А я ведь только успокоилась!

– А ты что здесь забыл?

– Меня пригласили в жюри.

– Что-о, ты серьёзно? Каким боком?

– Я здесь учился в свое время. Вот, не забыли своего студента.

Я уверена, что он специально напросился в состав жюри! Узнал от сестры, что мы сегодня презентуем свои работы и решил использовать шанс меня уничтожить. Договорился в ректорате, может даже спонсором премии выступил. В общем, появление Сулеймана в ВУЗе ничем хорошим мне не грозит.

– Неважно. Главное, что единичку я тебе уже поставил. Отвратительное эссе, Эда. Потому что любовь – это прекрасно.

– Тебе-то откуда знать? – фыркаю презрительно. – Бабники не влюбляются!

– А если влюбляются?

– Ты просто не можешь смириться с тем, что тебя послали. Начал критиковать всё, что ко мне относится! Думаю, остальные члены жюри будут более лояльны, и премия достанется мне.

– Я всего лишь высказал своё честное мнение, – пожимает плечами брат подружки. – Верить или нет – решать тебе. Но гарантирую: тебе не победить.

Сказав это, он возвращается в зал, а я стою с пылающими щеками, впервые почувствовав себя не правой...

Глава 7

Премия досталась Тале.

Нет, я безумно рада за нее, и тому она выбрала достойную, скрепную, про семейные ценности. Думаю, присутствие в составе жюри ее брата тут ни при чем, и это честная победа. И ничего, что я рассчитывала на денежное вознаграждение, это было глупо и самонадеянно.

В груди занозой засела обида – не на Талу, нет, а на несправедливость происходящего. Я так старалась, выворачивала душу наизнанку, а в итоге – пустой карман и разочарование. Но я улыбаюсь, потому что Тала сияет, и я действительно хочу радоваться за подругу. Просто нужно время, чтобы принять свое поражение.

– Предлагаю это дело отметить! – говорит сияющая Талия, и ее глаза горят таким искренним восторгом, что я почти забываю о своей досаде. – Сулейман знает все хорошие рестораны нашего города. Попрошу нас отвезти.

Она всплескивает руками, и ее браслеты мелодично звенят. Талка сегодня особенно красива. Белая кружевная блузка, длинная черная юбка и выпрямленные волосы. Я видела, как парни с филфака оглядывались ей вслед.

– Я тебя поздравляю, ты – лучшая, – произношу искренне, и эти слова даются легко, потому что это правда. – Но у меня голова что-то разболелась. Перенервничала, наверное.

Прижимаю ладонь к виску, надеясь, что жест выглядит убедительно. На самом деле голова болит, но не настолько, чтобы срочно бежать домой. Просто мне нужно переварить всё в одиночестве.

– Я тебе таблетку дам. У меня есть с собой. Пожалуйста, Эда, не отказывайся, – Тала берет меня за руку, и в ее прикосновении столько тепла, что отказать невозможно. – Вообще, если честно, я была уверена, что победишь ты. Сулик поставил тебе высший балл. Еще бы! Ты буквально озвучила его философию по поводу любви и отношений.

Мир на миг останавливается. Я слышу ее слова, но они не складываются в логичную картину. Как высший балл? Он же...

– Ты что-то путаешь, твой брат поставил мне единицу.

– Да нет же – высший балл. Я сама видела на листе оценку, когда к нему подходила.

– Но он сказал... в коридоре, что у меня плохое эссе, – растерянно хмурюсь, перебирая в памяти наш разговор. Его насмешливый голос, прищуренный взгляд. «Отвратительное эссе, Эда. Ты не выступишь».

– Да он просто дразнил тебя. Пойдём, – Тала смеется, словно это очевидно, и буквально силой тащит меня на улицу, а потом и к машине брата.

Ничего не понимаю. Он обещал, что я не выиграю, так оно и случилось. Однако я думала, что это из-за него! А что же теперь получается – другие судьи не оценили моего творчества? Выходит, так.

И если «Любовь как акт медленного самоубийства» перекликается с философией Каримова, тогда почему он уверял меня в обратном? Зачем намеренно вводил в заблуждение, заставлял сомневаться в собственных силах?

Дразнил, значит?

Вот гад!

Кровь приливает к щекам, когда я осознаю, как ловко меня провели. Он смотрел на меня своими невозмутимыми глазами и врал. И я поверила. Позволила ему посеять сомнения, позволила думать, что моя работа ничего не стоит.

– Куда едем? – спрашивает Сулейман, когда мы садимся на заднее сидение его иномарки. Голос у него спокойный, бархатистый, но сейчас он кажется мне издевательским.

– В хороший ресторан, я хочу отметить мой выигрыш, – Тала откидывается на спинку сиденья, довольно шурясь.

– Есть одно место. Вам понравится, – Каримов смотрит на меня в зеркало заднего вида, и я, вспыхнув, отвожу взгляд. Потому что если встречу с ним глазами, не выдержу. Скажу что-нибудь резкое. Испорчу Тале праздник.

Думала, что он подлый и мелочный тип, который за отказ готов опуститься до мести. Но оказывается, он не враг, а... кто? Манипулятор? Или просто человек с дурным чувством юмора?

Машина плавно трогается, и я смотрю в окно, как проплывают мимо знакомые улицы. Пальцы теребят край юбки, мысли путаются. Он поставил мне высший балл. Он считает мою работу достойной. Но сказал обратное. Зачем?

В ресторане играет приятная музыка, пахнет кофе и выпечкой. Мы садимся за столик у окна, и Тала, едва дождавшись, когда официант примет заказ, поворачивается ко мне:

– Эда, я считаю, что должна разделить с тобой выигрыш. Вот половина, – протягивает мне бумажный конверт.

– Да ты чего? Это твоя победа, – мотаю головой, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. Это слишком щедро. И слишком неожиданно.

– Но твоё эссе очень оригинальное. Просто у дядечек с нашего института повесточка, сама знаешь какая. Я потому и выбрала крепкую тему. А ты... выступила смело. Победа должна быть твоей, – Тала говорит это так искренне, без тени жалости или снисхождения, что у меня зашипало в носу.

– Слушай, я не могу взять, правда, – краснею, отводя взгляд. Принимать деньги от подружки, которая только что выиграла честный конкурс? Это как-то неправильно.

– Нет, бери. Тебе нужнее, – она настаивает, и в её голосе столько твердости, что спорить бесполезно.

– Давай я тогда хотя бы оплачу наш обед? – предлагаю, чувствуя, что должна хоть как-то ответить на её щедрость.

– Ладно, плати, – разрешает Тала.

Возвращается Сулейман – отлучался, кажется, поздороваться со знакомыми – и садится напротив. В его взгляде мелькают искорки, которые я раньше не замечала. Или не хотела замечать.

– Ну что вы тут, писательницы. Вино будете пить? – он приподнимает бровь, и уголки его губ подергиваются в усмешке.

– Не-ет! – хором отвечаем мы с Талой и переглядывается с улыбкой. Алкоголь – это не наш конёк.

– Тогда по компоту? – подмигивает Каримов, и я чувствую, как где-то внутри меня оттаивает маленькая льдинка.

Может, он не такой уж и гад. Может, просто... сложный. Как и все мы.

Глава 8

– Так как насчет круассана? – спрашивает Сулейман, когда Тала отходит в сторону, чтобы поговорить с преподавателем по телефону.

Опять двадцать пять! Этот человек не просто настойчивый, он как танк: прет напролом, не замечая мин, оврагов и моих категоричных «нет».

– Опять ты за своё? – закатываю глаза, и хватаюсь за спасительную чашку с чаем. Хотя бы есть чем занять руки, чтобы не показывать, как меня колотит от его присутствия. – Твой круассан меня не интересует, можешь предложить его кому-то другому. Вон, за соседним столиком сидит студентка, и уже полчаса пялится на тебя. Ей, может, всё и понравится.

– Я-то предложу, только вот ты потом локти кусать будешь, когда увидишь, как я с ней смеюсь и кормлю её ягодками, – улыбается нахал своей фирменной наглой улыбкой.

– Ха! С чего бы это?

– Упустишь такого потрясающего мужчину.

– А ты не упустишь случая себя похвалить. Самовлюблён до ужаса. Наверняка, у тебя есть целая комната, где все стены обвешаны огромными зеркалами.

– А вот ты себя не любишь, девочка, раз лишаешь свое роскошное тело удовольствия, – темнеют его глаза. – Такая зачетная фигура, такая нежная кожа, такие красивые глаза... Да ты просто создана для того, чтобы тебя носили на руках! А ты сидишь тут, пьёшь чай и строишь из себя недотрогу.

– А может я жду того самого? – вскидываю подбородок, смотря на него с вызовом. – Человека, который будет читать мои мысли, а не пытаться забраться ко мне в трусы.

– А может тот самый – это я? – Сулейман наваливается на стол, придвигаясь к моему лицу так близко, что я вижу золотые крапинки в его зрачках. Чувствую его парфюм: нотки горького апельсина, дерева и табака.

– Это вряд ли, – невольно задерживаю дыхание. – Ты обманщик. Сказал, что одарил меня единицей, но Тала видела оценки.

– Да жалко что-то тебя стало, – отзывается он лениво. Ой, лжец! Настоящий, стопроцентный, дипломированный лжец!

– Да неужели? А может быть, тебе просто понравилось моё эссе? Признайся уже, сломай свою гордую систему.

– Название так себе, но мысль заложена интересная. Я бы даже сказал, нестандартная. Есть в тебе что-то, что цепляет, Эда. Помимо того, что ты кусаешься как дикая кошка.

– Значит, ты признаешь мой талант? – я торжествующе улыбаюсь, чувствуя, как кровь быстрее бежит по жилам от этой маленькой победы.

– У тебя талант отшивать парней с горячими сердцами, – хмыкает Сулейман, откидываясь на спинку стула. Он складывает руки на груди, и мышцы под рубашкой напрягаются.

– Может быть, я боюсь опалиться... об ваше горячее сердце?

– А ты не бойся, – переходит он на интимный шепот. – Я остужу.

– Ты уже показал себя во всей красе, предложив мне секс за деньги. Так что не пытайся быть милым, я все равно не поверю, – говорю сладким голосом.

– Не надо переворачивать мои слова, – он вдруг становится серьёзным, его лицо теряет игривость. – Я предложил тебе помощь с кафе. Взамен попросил твое внимание. На этом всё. Ты сама уже дорисовала картинку грязными красками.

Нормально так, выставить меня виноватой! Кто домогался до меня в кафе и прихожей? Может, мне все это приснилось? Наглый козел.

– И зачем тебе моё внимание, Сулейман? – снова беру чашку, обхватывая её ладонями.

– Понравилась ты мне, Эда. Из мыслей всё не выходишь. Просыпаюсь, и сразу думаю о тебе.

– Ты говоришь это только затем, чтобы затащить меня в постель, – качаю головой, но в груди что-то щемит. – Я поверю в твои чувства, а ты потопчешься по ним и уйдешь в закат. То есть к другой бедняжке, которая, на свою беду, поверит тебе и твоему круассану, – добавляю презрительно.

– Зря ты называешь меня обманщиком. Я честен. С тобой, по крайней мере.

– Да уж, свою честность ты показал сегодня, – фыркаю в ответ и начинаю елозить по стулу, видя, как Тала заканчивает разговор и посматривает в нашу сторону.

Неожиданно Сулейман поднимает руку, уверенно и властно подзывая официанта. Дорогие часы блеснули на запястье, рукав пиджака чуть задрался, открывая край татуировки. Я невольно залипаю взглядом на этом узоре, а он говорит:

– Официант, будьте добры, круассан со свежими ягодами. Крем заварной, не жирный, с ноткой ванили. Сверху полить шоколадным соусом. Не сбрызнуть, а полить – чтобы текло.

Божечки, о чем это он? Какие-то двусмысленные у него приказы, у меня даже спина вспотела.

Официант кивает и исчезает, а я смотрю на Сулеймана с прищуром:

– Ты заказал, не спросив меня. А если я не хочу? А если у меня аллергия на клубнику? А если я на диете?

– Ты точно не на диете, – издает он смешок. – У девушки, которая вечно отказывает себе в десерте, в глазах стоит вечный голод. А у тебя огонь горит. Так что ты будешь есть и получать удовольствие. А потом, может, даже скажешь мне спасибо. Я подожду.

Открываю рот, чтобы съязвить, но в этот момент официант ставит передо мной тарелку. Круассан тёплый и хрустящий. Рядом горсть ягод: красная смородина, малина, голубика, всё присыпано сахарной пудрой, и тонкая струйка шоколада стекает по боку.

Мой желудок предательски урчит. На секунду – только на секунду – я забываю, что терпеть не могу этого человека, что он наглый, самоуверенный, что от него одни проблемы. Просто смотрю на этот десерт, и мой рот наполняется слюной.

Сулейман не говорит ни слова. Он просто смотрит на меня, откинувшись на спинку стула и закинув ногу на ногу. Он знает, что я хочу это съесть. Он всё, блин, знает.

И это бесит до дрожи.

– Вау, как вкусно выглядит! – восклицает вернувшаяся, чуть румяная Тала, и я вздрагиваю, выныривая из этой странной гипнотической сцены. – А можно мне тоже?

– Да не вопрос, сестренка, – Сулейман повторяет заказ, добавив, чтобы вместо голубики положили побольше малины, которую так любит Тала.

Тала сияет, чмокает брата в щёку, и я вижу, как на секунду его лицо расслабляется, становится почти нежным. Он любит сестру. Это, пожалуй, единственная его человеческая черта, которую я готова признать.

– Они хотят отправить мое эссе на Всероссийский конкурс, – с блеском в глаза выпаливает Тала. – Препод сказал, что у меня талант и что это уровень!

– Это же здорово! Рада за тебя, – глажу подругу по плечу.

Слава богу, я не завистливая. Я умею радоваться за других искренне. Разве что в самой глубине, где-то под рёбрами, кольнуло: вот бы и мне кто-то сказал, что я талантлива. Что у меня уровень. Что я заслуживаю чего-то большего, чем просто выживать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.